
ПОД СЛОЕМ КРАСКИ
18+
ЕВА НЕЧАЕВА

Ева Нечаева

Под слоем краски

«Автор»
2026

Нечаева Е.

Под слоем краски / Е. Нечаева — «Автор», 2026

Под слоем краски всегда что-то есть. Вопрос в том, кто решил это спрятать.Лавринская академия, октябрь. Студентка-реставратор Варя Лунёва верит только тому, что можно проверить: трещине, подписи, слою краски. Но на выпускном портрете 2009 года она находит то, чего там быть не должно, — седьмую фигуру. Девушку, которую дважды закрасили. Есения Орлова погибла за год до того, как была написана картина.Кто и зачем стёр её лицо? Что за номер 417 стоит на папке в её руках и куда исчез этот предмет?Через несколько дней убита архивистка Лидия Мирская. Теперь у академии два прошлых: то, что записано в актах и журналах ключей, и то, что осталось под слоем краски. Варя торопится, и её ошибка ломает чужую жизнь.Чтобы исправить её, придётся дойти до конца, туда, где восемнадцать лет молчания обошлись слишком дорого.

© Нечаева Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Лишний человек 5
Глава 1. Седьмое место 5
Глава 2. Дата на обороте 9
Глава 3. Ничего не снимать 13
Глава 4. Синяя папка 17
Глава 5. Короткая лестница 21
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Ева Нечаева
Под слоем краски

Часть первая. Лишний человек

Глава 1. Седьмое место

Варя обнаружила лишнего человека там, где ей поручили искать трещину.

В половине девятого утра Варя ещё считала, что это обычная смена. Было холодно, в коридоре Лавринской академии пахло мокрой шерстью, и грузчики третий раз спрашивали, с какой стороны вносить портрет. Большой деревянный ящик застрял между открытыми створками. Один из мужчин придерживал его коленом. Второй стоял в луже под дырявым водостоком и прикидывал, сколько заплатят за ещё одну поездку.

— Не сюда, — сказала Варя.

Оба посмотрели на неё так, как смотрят на людей без права подписи.

— Нам отсюда велели, — ответил тот, кто придерживал ящик коленом.

— У вас нижний угол уже мокрый. Если будете ставить его на эту сторону, вода пойдёт под крепёж.

— Девушка, мы его привезли из соседнего корпуса. Он там сто лет висел.

— Вот именно.

Она хотела указать на маркировку, но чехол закрывал номер, а задерживать чужую работу подробной лекцией не хотелось. Тогда Варя поставила свой рюкзак в сухую нишу и подхватила свободную ручку ящика. Мужчина в луже выругался; вместе они повернули груз так, что тот прошёл между дверями. Деревянный низ скользнул в нескольких сантиметрах от каменного порога.

— Оставить здесь?

— На подкладках. И ящик не открывайте, пока не придёт хранитель.

— А кто ты у нас?

Варя могла показать карточку третьего курса, на которой буквы «студентка» были крупнее фамилии. Вместо этого указала на бланк перемещения, торчавший из кармана чехла.

— Человек, который потом будет описывать повреждения. В графе «при приёмке».

Они нашли две деревянные подкладки и наконец смогли развернуть ящик. Оказалось, такая аргументация понятнее, чем просьба беречь историю живописи.

За окнами занимался дождливый октябрьский день. Во внутреннем дворе Лавринской академии стоял каменный колодец, давно закрытый железной крышкой. Вокруг него преподаватели переставляли под навес столы для открытого показа. На двадцать четвёртое октября назначили день открытых дверей с публичным показом коллекции. Должны были приехать выпускники, журналисты из областного центра и люди, которые за один вечер могли пожертвовать мастерской столько, сколько за год стоили все стипендии её студентов. У западной лестницы поставили тяжёлую навигационную стойку с переставляемыми латунными стрелками: «Зал», «Фонды», «Выход во двор». Уборщица возмущалась, что гостям теперь понадобится три указателя, чтобы найти дверь, которую они видели при входе.

Варя расстегнула куртку и поглядела на телефон: мать написала в семь двадцать: «Ты взяла контейнер?». Контейнер стоял дома на столе. В кармане рюкзака лежали три сухих печенья и половина яблока. Если обещанная подработка за фотофиксацию состоится, до пятницы

можно будет не считать стоимость обеда. Если не состоится — тоже можно. Просто результат получался неприятный.

— Лунёва, ты, значит, уже распоряжаешься доставкой.

Агата Белинская вошла через стеклянный переход, не поднимая капюшона. Вода стекала с него на серый линолеум. На преподавательнице была мягкая серая куртка и туфли на тонкой подошве — совершенно неподходящие для двора. Варя никогда не видела её в поношенной обуви, зато неоднократно заставала за починкой чужих старых кистей. Агата могла купить новую щётку, но считала расточительством выбрасывать вещь из-за расшатавшегося деревянного ободка.

— У ящика мокрый низ, — объяснила Варя.

Преподавательница присела, проверила подкладку пальцем и кивнула. Ни похвалы, ни замечания за самоуправство не последовало. С Агатой это было обычным делом: она считала, что хорошая работа не нуждается в церемонии.

— Номер с чехла перепиши до раскрытия. Приёмочная фотография — с линейкой. И не трогай лицо.

— Чьё?

Агата впервые улыбнулась за утро.

— У картины. С остальными лицами здесь и без тебя справятся.

Они дождались хранителя, сверили печати, подписали перемещение. Ящик раскрылся с сухим треском. Из-под гофрированного картона показалась широкая золочёная рама, побитая внизу чем-то твёрдым. На внутренней стороне картона кто-то написал простым карандашом: «Зал — Соляной корпус — зал». Когда именно картину возили туда и обратно, никто рядом с подписью не указал.

Полотно называлось «Мастерская. Выпуск 2009». Варя видела его десятки раз. Оно висело в малом зале напротив расписания стипендий, и на первом курсе ей казалось, что изображённые студенты смотрят сверху вниз на каждого, кто проходит под рамой. Через два года удалось выяснить, что на самом деле они смотрят немного левее: художник поставил перед моделью зеркало, чтобы не заставлять шестерых человек долго держать головы повёрнутыми.

На портрете были пять молодых женщин и один юноша. Двое сидели на широком диване. Остальные стояли в мастерской, среди коробок с мелом и незаконченных картин. Книжный шкаф у стены изображён с такой торжественностью, с какой обычно рисуют фамильные гербы. В нижнем углу значилась подпись Константина Васина и год: 2009.

— Почему его взяли именно теперь? — спросила Варя.

— Лак изменился, — ответила Агата. — На тёмных местах появились матовые островки. Для показа решено провести диагностику и местную стабилизацию. Не реставрацию до белых перчаток, Лунёва. Мы здесь не завод по производству прошлого.

— А если успеем сделать больше?

— Объяснишь комиссии, зачем. И почему это можно было делать без проб.

Агата отошла к шкафу с папками, а Варя натянула перчатки, поставила лампу сбоку и начала с нижнего края. На подготовительном снимке она отметила ослабшую нить крепления холста, две старые вмятины и след от неаккуратно снятого крепления на золочении рамы. Варя присвоила каждому повреждённому участку номер и отметила его на схеме. Так его можно было найти при следующем осмотре и сравнить с новыми снимками.

Когда лампа дошла до книжного шкафа, Варя остановилась.

На полке с зелёными корешками лак лежал ровно, но трещинки в живописи вели себя странно. На остальной картине они шли за старой складкой холста — мелкие, почти неразличимые, словно тонкая сетка. На шкафу сетка обрывалась прямоугольником. Внутри прямоугольника тянулись более широкие линии, которые не совпадали с направлением нарисованных досок.

Варя поправила лампу, сняла общий план и два увеличенных снимка. При прямом свете всё выглядело обычно: книги, деревянная стенка, медная ручка, отбрасывающая маленькую тень. Под косым светом тень уходила не туда. Краска в нескольких местах была поднята узким валиком — так случается, когда поверх старой формы кладут новую и стараются погасить её рельеф.

Она отодвинулась на шаг.

Если убрать шкаф, между сидящей на диване девушкой и крайним справа юношей оставалось место ещё для одного человека. Не широкое, не удобное. Но ноги сидящих были развёрнуты к этому пустому пространству, и на столе за ним лежал лишний раскрытый альбом. Варя столько раз проходила мимо картины, что странность постепенно перестала быть для неё видимой.

— Агата Сергеевна, посмотрите.

Преподавательница не подошла сразу.

— У тебя прибор сломался?

— Нет. Мне кажется, здесь поздняя запись.

— Ты уже сделала карту поверхности?

— Почти.

— Сначала закончи карту. Потом покажешь мне этот участок.

Варя подчинилась, хотя с трудом заставила себя заняться ржавым креплением на обороте. Чтобы перевернуть тяжёлое полотно, понадобились ещё две пары рук и мягкие опоры. Подрамник оказался старым, с забитыми в древесину аккуратными карандашными цифрами. На обороте — дерево, пыль, несколько этикеток и следы старого крепежа.

К полудню Варя заполнила две страницы приёмного листа. Агата наконец встала рядом с ней. Некоторое время она смотрела на книжный шкаф при том же косом освещении, не меняя положения лампы.

— Ты видишь фигуру, — произнесла преподавательница.

— Я вижу границы. Фигуру пока только предполагаю.

— Хорошо. Это правильный ответ.

Агата коснулась пальцем края подрамника, не самой живописи, и сняла очки.

— Если в отчёте назовёшь это изображением человека, тебя попросят доказать. Не найдёшь подтверждения — решат, что ты придумала сенсацию ради конкурса. Можешь так сделать. Только потом не удивляйся.

— Я хочу запросить техническую съёмку.

— Запросить можешь. Снимать верхний слой — нет. Сейчас здесь вообще ничего нельзя снимать без согласованного плана.

Варя отвернулась от полотна. Это было не то разрешение, ради которого стоило приходить раньше всех, но и не прямой отказ.

— Кто решает?

— Хранитель, научный руководитель, собственник. И человек, который будет отвечать за картину, если ты ошибёшься. Подумай, сколько подписей тебе не хватает.

На выходе Агата задержалась. Варя услышала, как та убирает очки в футляр, как застёгивается металлическая кнопка.

— И ещё, Лунёва. Если тебе покажется, что там была седьмая девушка, не начинай с имени.

Варя повернулась.

— Откуда вы знаете, что девушка?

Агата смотрела на поверхность портрета. В лаборатории кто-то включил старую вытяжку, и с потолка посыпался мелкий серый порошок. Преподавательница не подняла головы.

— Сначала надо установить сам факт записи. Всё остальное потом.

Она вышла прежде, чем Варя придумала второй вопрос.

В половине второго в мастерскую вошла Лидия Мирская из архива. Варя запомнила её ещё с первого курса: архивистка носила короткую стрижку и каждый месяц меняла яркие оправы очков. Сегодня на ней были тёмно-синие, с одной обломанной дужкой, которую держала узкая полоска прозрачного пластыря.

— Слышала, у вас приехали выпускники, — сказала Лидия. — Мёртвые, но образованные. Покажешь?

— Не ближе метра.

— От кого приказ?

— От меня.

Лидия подняла руки и остановилась у порога. Пять минут она расспрашивала Варю о приёмочной записи, о направлении света, о том, где лежат первичные файлы. Когда Варя назвала папку общего сервера, архивистка нахмурилась.

— Копии складывай куда угодно. Первые снимки отдельно. С датой, временем, техническими сведениями. Не меняй их только потому, что завтра найдёшь на них что-то неприятное.

— У нас в лаборатории так всегда делают.

— Ты ещё не видела, что здесь делают не всегда.

Лидия сказала это почти шутливо, но тут же попросила номер старой этикетки на обороте. Варя прочитала, архивистка повторила его себе под нос и записала на внутренней стороне ладони, рядом с уже испачканным чернилами большим пальцем.

— Вы знаете, кто мог быть под шкафом?

— Я знаю, как узнавать такие вещи. Это разные знания.

— Вы тоже говорите загадками, как Агата Сергеевна.

— Агата терпеть не может загадки. Особенно когда на них есть правильный ответ.

Лидия попробовала поправить очки и едва не уронила их. Варя поймала футляр, выпавший из кармана.

— Спасибо. — Архивистка приняла его и недолго постояла у порога. — Приходи завтра после занятий. Я покажу тебе карточку поступления картины. Полную, не ту красивую, которая висит в зале.

— А если её нельзя смотреть студентам?

— Тогда покажу ту часть, которую можно. Для остального нужно основание. Это мой любимый вид бюрократии: иногда она действительно защищает вещи от людей.

Варя хотела спросить о седьмой девушке ещё раз, но Лидия уже спешила к лестнице, где сквозняк свистел в незакрытой двери. Её шаги быстро стихли.

К вечеру мастерская опустела. Варя сдала ключ, погасила все лампы, кроме боковой, и ещё раз посмотрела на шкаф. Сам портрет за день не изменился. Новая трещина не появилась. Пыль лежала на прежних местах. Изменилось лишь знание о том, что художник однажды мог поставить там человека, а кто-то другой решил, что вместо него достаточно нарисовать мебель.

На телефоне мигнуло сообщение от матери: «Контейнер нашла. Поставила в холодильник. Завтра хоть съешь». Варя сфотографировала своё яблоко с надкусанной стороны и отправила ответ: «Сегодня богатый обед. Не волнуйся».

Через минуту мать прислала три сердитых смайлика.

Варя улыбнулась, убрала телефон и повернула лампу к холсту в последний раз. Край нижней полки пересекала тонкая выпуклая линия. Теперь, зная, где смотреть, она видела её отчётливо: линия была слишком мягкой для дерева и слишком округлой для переплёта книги.

Она сняла ещё один кадр.

В отчёте она написала: «нерегулярная граница красочного слоя». Слово «плечо» осталось в черновике, на отдельном листке.

Глава 2. Дата на обороте

Во вторник утром портрет выглядел безобиднее, чем вечером. Сильный дневной свет заливал мастерскую из высоких северных окон, и книжный шкаф снова становился хорошим книжным шкафом. На полках не хватало двух корешков, медная ручка была написана слишком толсто, зато древесина имела приятный тёплый цвет. Варя знала десятки художников, которые на зачёте заплатили бы за такую фактуру лишний балл.

Её отчёт лежал на столе с красной пометкой Агаты: «Не делать выводов до инструментального обследования». Ниже, более мелким почерком: «Пункт 4 — уточнить номер этикетки». Агата всегда писала красной ручкой, потому что в лаборатории никто не смел случайно принять её указания за свои собственные.

Варя сходила к хранителю, получила разрешение сфотографировать оборот и только после этого снова надела перчатки. На тёмной рейке подрамника было два номера. Первый — старый, выведенный кистью: «ЛА-09/6». Второй, на обрывке бумаги, выглядел новее: «Выставочный зал. Учёт 2017». Под ним кто-то дописал карандашом «восстановлено», но не поставил ни фамилии, ни даты.

В учебной папке академии фотография портрета сопровождалась шестью именами. Против крайнего слева юноши стояло «К. Васин». Это Варю не удивило: художник включил себя в выпускную группу, хотя формально занимался живописью, а не реставрацией. Зато на бумажной карточке, которую в полдень принесла Лидия, список начинался иначе.

— Семь? — спросила Варя.

Лидия приложила к бумаге металлическую линейку, закрыв нижние строки.

— Ты по счёту или по удостоверению личности?

— Имен семь. На картине шесть.

— В карточке могут быть исправления.

— А кто её исправлял?

— Видишь, хорошие вопросы начинаются, когда перестаёшь считать людей.

Лидия отняла линейку. Последняя строка была написана другой рукой и другим цветом чернил: «Орлова Есения Андреевна». Рядом стояла галочка. Её смысл нигде не пояснялся.

Варя переписала имя в блокнот. Оно было знакомо — по доске памяти у главной лестницы, где висели фамилии погибших и умерших студентов. Там имена располагались по годам, и многие проходили мимо, потому что текст давно стал частью отделки. Есения Орлова значилась под 2008 годом.

— Она умерла до того, как Васин закончил картину.

— Да.

— Значит, он рисовал человека, которого не было?

Лидия устало посмотрела на неё поверх пластыря на очках.

— Он рисовал человека, которого нельзя было позвать позировать. Это совсем не означает, что он не мог нарисовать её по фотографии. Варя, если ты сейчас побежишь рассказывать, что нашла живую мёртвую девушку, я буду вынуждена забрать у тебя карточку.

— Я не собиралась.

— Ты уже мысленно написала заголовок.

Варя покраснела. Заголовок и правда был почти готов, вместе с неприятно торжественным словом «разоблачение».

— Её вычеркнули, — произнесла она осторожнее.

— Возможно. Возможно, закрасили по просьбе родственников. Возможно, переделали композицию после изменения списка участников. Ты занимаешься картиной, а не расписанием

привидений. Выясни, что произошло с краской. Потом поговорим о том, что произошло с людьми.

Лидия вернула карточку в прозрачный конверт. Не дожидаясь нового вопроса, она положила рядом коричневую папку с разрешёнными к просмотру копиями актов и позволила Варе сделать выписки под её присмотром. В одном из актов значилось, что в 2017 году выполнено «устранение поздних деформаций красочного слоя». Сколько именно краски устранили и что сделали вместо неё, в строке не указывалось.

— Слова прекрасные, — сказала Лидия. — В них можно положить половину человеческой жизни, а на выходе останется ровная бумага.

— Вы сейчас говорите как человек, который что-то знает.

— Я говорю как архивистка, которая видела акты с красивыми словами. Это профессиональная болезнь.

Она собрала папки и ушла к себе, пообещав на следующий день показать старую выставочную фотографию, если успеет согласовать доступ. Варя осталась у окна с блокнотом. «Орлова Есения Андреевна» занимало в нём ровно одну строку. Никакой живой мёртвой девушки, никакой сенсации. Только фамилия, которую кто-то перестал писать под её изображением.

В два часа пришёл Мирон Захаров.

Он не носил академическую куртку и потому сначала показался Варе родственником выпускника, заблудившимся между мастерской и архивом. На нём был старый тёмно-зелёный свитер, на правом рукаве висела плохо обрезанная нитка. Через плечо — сумка с камерой. Он остановился у двери, посмотрел на общее окно, затем на светильник и только потом поздоровался.

— Муниципальное собрание, договор на фотофиксацию. — Он показал удостоверение.

Варя прочитала имя и машинально отметила, что фамилия совпадает с фамилией бывшего хранителя из одного старого скандала. Она пока не знала, почему это её задело.

— Агата Сергеевна сказала, вы сегодня придёте. Я подготовила разрешение на общие кадры.

— Хорошо. А на крупные?

— После согласования.

Мирон посмотрел на лампу.

— Она у вас всегда стоит так близко к поверхности?

— Нет. Сейчас поставила, чтобы проверить направление.

— Ясно.

Он передвинул штатив на полметра, не дотронувшись до полотна. Варе стало обидно без всякой разумной причины: он двигался в её мастерской с той уверенностью, которую приходится зарабатывать семестрами. С другой стороны, камера у него была дорогая, с побитым углом, и руки держали её привычно. Чужую компетентность она распознавала быстро, даже когда не хотела.

— Вы видели картину раньше? — спросила она.

— На открытке. Там почему-то обрезали правый край.

— Правый край неинтересный.

— Значит, редактор открытки не зря получал зарплату.

Варя сдержала улыбку и объяснила, где находится подозрительный участок. Мирон сделал несколько обычных кадров, затем попросил снять её рабочую линейку: она давала нежелательный отсвет. На экране появилась увеличенная поверхность шкафа. При боковом свете внутренние трещины начали читаться значительно яснее.

— Здесь два рельефа, — сказала Варя.

— Я вижу разницу в бликах. Два слоя — пока предположение.

— Можно сделать серию с разным углом?

— Можно, если хранитель подпишет. С ним договариваться будете вы или я?

— Оба.

— Тогда шансы неплохие. Один человек всегда может сослаться на другого.

Он сказал это серьёзно; только заметив её взгляд, слегка улыбнулся. В этот момент у него на щеке обнаружилась маленькая белая полоска, похожая на след от высохшей краски. Варя неожиданно захотела спросить, где он её получил, и разозлилась на себя. Под маской аккуратной профессиональной злости всегда легко прятать интерес к чужому лицу.

— Вы сами учились реставрации? — спросила она.

— Недолго.

— Почему бросили?

— Меня попросили закончить раньше, чем я собирался.

— За что?

— За привычку фотографировать то, что другим хотелось закрыть коробкой.

Тон был сухой. Варя поняла, что за этой фразой стояла личная история, о которой он не хотел говорить, и перевела разговор на выставку.

После съёмки Мирон сверил кадры на большом экране. Варя стояла за его плечом и видела, как движения ползунка меняют одно и то же пятно света. Когда он вывел на экран общий снимок, в библиотечной стенке обнаружился узкий изгиб, похожий на нижний край локтя.

— Похоже на человека, — сказала она.

— Похоже. Но если там есть человек, он пока ни в чём не свидетельствует. Так что я бы не спешил приводить его в суд.

— Вы всегда так говорите?

— В основном когда мне предлагают доказать преступление светильником.

— Я ещё ничего не предлагала.

— Тем лучше.

Мирон сохранил исходные кадры на защищённый носитель и составил акт передачи копий для мастерской. На прощание спросил, кто работает с академическим архивом. Варя назвала Лидию Мирскую. Он помедлил так заметно, что она решила запомнить это, хотя не знала зачем.

— Она сегодня здесь? — спросил Мирон.

— Уже ушла. А вы знакомы?

— Переписывались.

— Из-за портрета?

— Из-за одной старой описи.

Он ушёл прежде, чем Варя нашла способ спросить, какой именно.

К вечеру выяснилось, что Тася Громова уже ждёт её в столовой. Соседка сидела за столом для преподавателей, потому что остальные столы были заняты, и ела салат с таким видом, словно назначила встречу в дорогом ресторане. На столе лежал её телефон, рядом — новенькая синяя папка с наклейкой студенческого журнала.

— У нас срочно нужен повод написать о реставрации, — объявила Тася. — Всё, что редакция получает, похоже на инструкцию к пылесосу. Пожалуйста, скажи, что у тебя есть красивая история.

— У меня есть повреждение красочного слоя.

— Идеально. Оно страдает? Его никто не понимает? Это уже мой жанр.

Варя рассказала о дополнительной фигуре. Тася сразу перестала жевать. Когда дошло до даты смерти Есении, она потянулась за телефоном.

— Покажи.

— Пока нет разрешения на публикацию.

— Я не прошу для публикации. Для композиции. Если там человеческий силуэт, я скажу, какая часть стены закрывает его. Всё равно понадобится художественный глаз.

Это была не такая уж плохая просьба. Тася действительно видела рисунок лучше большинства реставраторов, а Варя не раз получала от неё полезные советы. К тому же она отправляла не общий снимок предмета из коллекции, а небольшой фрагмент книжного шкафа. Варя открыла телефон, обрезала кадр и переслала.

— Только никому, — сказала она.

— Конечно.

Тася увеличила изображение. На экране проступили грубые вертикальные мазки и узкая светлая линия у края полки. Она провела пальцем по стеклу, словно могла нащупать слой через телефон.

— Ты говоришь, там человек. А мне кажется, там кто-то держал папку.

— Где?

— Вот. Под этой линией. Посмотри, угол слишком прямой для локтя.

Варя подвинула стул. Она увидела то, чего сама не заметила в мастерской: маленький тёмный треугольник на границе записанного шкафа.

— Скорее всего, старый грунт, — произнесла она.

— Может быть. Но даже твой грунт выглядит так, словно у него есть секрет.

Тася улыбнулась.

Она ещё раз коснулась экрана и убрала телефон в карман. Варя поставила пустой стакан на поднос и пошла к выходу: завтра надо было узнать, почему в старой карточке было семь имён.

— Ты снимок не перекидывай, ладно? — попросила она у дверей.

— Я же сказала, — отозвалась Тася. — Не начинай.

Варя оставила её за столом с недоеденным салатом и синей папкой студенческого журнала.

Глава 3. Ничего не снимать

В среду Варя испортила кусочек живописи размером с ноготь.

Не на старом портрете. На учебной доске, которую мастерская использовала, чтобы показывать разницу между потемневшим лаком и нижним слоем. Доску сделали специально для проб, и в её паспорте значилось слово «расходная». Оно не означало «делай что угодно». Варя это знала лучше, чем хотелось.

На занятии Агата Белинская попросила студентов выбрать подходящий способ удаления поверхностного загрязнения. На каждой из шести досок материалы были различны. Варе досталась самая простая, с ровным тёмным фоном. Она поставила пробу на краю, отметила место и не дождалась, пока высохнет поверхность. Ей хотелось скорее закончить и попасть на десятиминутную встречу с сотрудницей стипендиального отдела. За эту встречу можно было узнать, продлят ли её оплачиваемые часы в мастерской.

Тампон забрал больше, чем должен был.

Она заметила ошибку сразу по светлой точке в середине тёмного поля. Под лампой точка выглядела почти красивой: крошечное окно в поверхность, которую никто не собирался открывать. Варя отпустила тампон и посмотрела на часы. До встречи оставалось восемь минут.

Напротив работал Лёша Серов, студент химико-технологической мастерской. Он чертил в таблице маленькие прямоугольники; с первого курса все удивлялись, зачем он переносит каждую пробу на отдельный рисунок. Однажды объяснил: если вылить реактив не туда, хороший рисунок поможет понять, где искать причину пожара. После этого никто больше не смеялся над его клеточками.

— Ты слишком торопишься, — сказал он, не поднимая головы.

— Спасибо. Поставлю на обложку диплома.

— Поставь в графу «ход работы». Место есть.

Варя дёрнулась, чтобы прикрыть точку тетрадью. Лёша взглянул на неё и впервые перестал чертить.

— Не прячь. Она никуда не денется.

Варя подняла руку.

Агата подошла от соседнего стола, где объясняла другой группе, почему одного удачного опыта недостаточно для разрешения работать на подлиннике. Положила рядом с Вариной доской карточку с чистым полем «отклонения».

— Что произошло?

— Я сняла частицу нижнего слоя. Неверно оценила паузу после пробы.

— Что будешь делать?

— Остановлюсь. Зафиксирую. Передам вам.

— Сколько времени потеряла?

Варя могла сказать «минуту». На самом деле потеряла больше: утро, в которое надеялась заработать дополнительную ставку, и уверенность, что знает эту простую работу до последнего движения пальца.

— Столько, сколько понадобится на описание.

— Тогда начинай. — Агата кивнула на светлую точку. — При пробе можно снять больше, чем рассчитываешь. Поэтому сначала фиксируешь участок, потом работаешь. И обязательно записываешь, что именно сделала, чтобы следующий реставратор знал, с чем имеет дело.

Она ушла к другим студентам. Варя долго сидела над карточкой. В графе «причина» написала, что не выдержала необходимую паузу между пробой и повторным воздействием. Подчеркнула «моё решение» и сама рассердилась на подчёркивание: похоже на покаяние, сде-

ланное специально, чтобы преподаватель оценил честность. Она зачеркнула черту. Остался факт.

К стипендиальному отделу пришла на девятнадцать минут позже назначенного. Секретарь уже собирала бумаги.

— На октябрь мест для подработки больше нет, — сообщила она, не отрывая взгляда от списка. — Вашу рекомендацию не успели подписать. В ноябре попробуйте снова.

— Мне Агата Сергеевна обещала часы на портрете.

— Работа по учебному предмету не оплачивается, если нет отдельного договора. Я не могу написать вместо вас заявление задним числом.

Варя постояла у двери, разглядывая приклеенную к ней старую фотографию академии. На снимке у колодца стояли люди в тяжёлых пальто, а рядом покосился стол с жестяными кружками. Каждому поколению студентов, видимо, доставался свой способ не замёрзнуть.

— Можно хотя бы оставить заявку?

— Оставьте. Только не рассчитывайте, что слово «срочно» меняет очередь.

Она оставила заявку. Снаружи шёл мелкий дождь, по стеклянному переходу громыхала тележка с ящиками. Варя обошла двор и потратила последние деньги на горячий чай в автомате у общежития. Выпила, стоя, пока пальцы перестали дрожать от злости.

В мастерскую вернулась после обеда. Портрет стоял на прежнем месте под светозащитной тканью. Рядом появились две новые таблички: «Работы только по утверждённому плану» и «Самостоятельная расчистка запрещена». Вторую кто-то прикрепил криво. Варя хотела поправить и остановилась: она уже достаточно управляла чужим порядком за эту неделю.

На двери соседнего кабинета висело объявление о конкурсе молодых реставраторов. Победителю обещали месячную практику в столичной мастерской и оплату жилья. На фотографии внизу трое прошлогодних лауреатов улыбались, стоя у роскошно освещённой картины. Варя подумывала отнести заявку ещё до знакомства с портретом. Теперь работа с ним казалась редким шансом показать не только чистую технику, но и способность увидеть проблему, которую пропустили другие.

Ректорка уже объявила, что на открытом показе двадцать четвёртого октября нужно продемонстрировать результаты диагностики. Агата ходила по лаборатории с листом задач и назначала каждому студенту участок. Варе досталась документация рамы, отчёт о состоянии лака и проверка старых фотографий. Другому человеку поручили микроскопическое обследование образцов, ещё одному — работу с креплением. Варино имя на листе было третьим. Она не знала, разочароваться или обрадоваться тому, что её собственная находка вдруг превратилась в общую работу.

— Вы рассчитываете успеть до праздника? — спросила она Агату.

— Успеть что?

— Понять, кто был под шкафом.

— Мы рассчитываем установить состояние предмета. Если поймём больше — хорошо. Если не поймём, напишем, что не поняли.

— А почему нельзя начать с верхней записи? Там же самый поздний слой.

Агата положила лист на стол.

— Допустим, ты сняла кусочек с полки, а под ним оказался рукав. Что дальше? Станешь снимать рукав, пока не дойдёшь до лица? А если рукав и фон принадлежат разным этапам, и одно держится на другом? Что потеряешь?

— Всё, что не успела описать.

— Именно. Пока предмет не передан тебе по акту, ты за него не отвечаешь и не решаешь, что с ним делать. Сегодняшняя проба на учебной доске обошлась без серьёзного ущерба. Запомни порядок действий.

Варя взяла свой рабочий журнал, чтобы не отвечать немедленно. На страницу упала тень преподавательницы.

— Вы говорите «рукав». Мы с вами видели только рельеф под полкой.

— Я привожу пример.

— Почему именно такой?

Агата подняла лист и проверила подписи. Ответ прозвучал с тем же терпением, с каким она объясняла студентам, что линейка на снимке нужна не для красоты.

— В нашем деле нельзя подгонять материал под понравившуюся догадку, Лунёва. Сначала фотографии, потом анализ. Ты ведь за этим пришла учиться?

Варя сказала, что да. Другого ответа у неё не было, потому что в этой части Агата была безусловно права.

Ближе к вечеру в лабораторию пришёл Мирон с фотокамерой и чёрной папкой. Он не стал разглядывать портрет, а спросил, где можно оставить новые снимки. Варя указала на общий стол. Ей хотелось рассказать о доске, о потерянных часах подработки и услышать, что всё это неважно. Незнакомый человек с камерой был последним, от кого она могла ждать такого ответа, и именно поэтому это желание её злило.

— Приёмный лист обновили? — спросил он.

— Да.

— А что с рукавом?

— Каким рукавом?

— С тем изгибом, который вчера показался тебе похожим на локоть.

— Мы пока видим только контур. Научный руководитель советует не торопиться.

Мирон присел, чтобы достать зарядный кабель из сумки. На рукаве свитера обнаружилась маленькая свежая прореха. Варя увидела её прежде, чем успела решить, стоит ли вообще смотреть на его руки.

— Правильный совет, — сказал он. — Хотя от Белинской его иногда трудно услышать.

— Вы с ней знакомы?

— Знаком с её отчётами. Она редко ошибается в состоянии вещей.

— Вы говорите так, словно есть другие ошибки.

— Я говорю о снимках. Остальное к ним не относится.

Он не стал развивать мысль. Поставил камеру на стол, достал из папки заверенную ведомость передачи копий и попросил Варю проверить номера файлов. Они считали фотографии вместе, почти не разговаривая. Иногда Мирон тихо проговаривал последовательность, иногда спрашивал, не пропустил ли двенадцатый кадр. Дважды Варя поймала себя на том, что ждёт, когда его рука появится рядом с её рукой на клавиатуре.

Когда закончили, он попросил подсказать дорогу к архиву.

— Через стеклянный переход и вниз. Там Лидия Мирская, она обычно до шести.

— Я знаю дорогу.

— Тогда почему спрашиваете?

Мирон посмотрел на часы.

— Хотел понять, закрыли ли западную лестницу. Через неё короче.

— Её не закрывали. Только для студентов вход не всегда разрешён.

— Я по договору.

Он поднял папку, в которой лежало подтверждение полномочий, и вышел. Варя вернулась к отчёту. На следующей странице требовалось перечислить старые вмешательства. Она вписала «предположительная поздняя запись справа от центральной группы» и остановилась. Над словом «предположительная» было оставлено пустое место для подписи руководителя.

Через открытое окно донёсся резкий разговор в стеклянном переходе. Женский голос — Лидии — прозвучал громче обычного:

— Не сюда. Если нужен старый акт, напиши запрос. Не надо приходить, когда у меня открыто всё подряд.

Ответа Варя не разобрала, но услышала, как хлопнула дверь. Вскоре кто-то прошёл по коридору быстрым шагом. У выхода мелькнул Миронов тёмно-зелёный свитер.

Варя поднялась, собираясь догнать его, и снова села. Она не знала, из-за чего они поссорились, и не собиралась судить Мирона по одному сердитому взгляду.

На столе лежал приёмный лист, у которого внизу не хватало одной подписи. Варя подумала, что завтра Агата проверит весь текст и непременно попросит убрать слова «человеческая фигура». Она подготовила для неё все фотографии, чтобы можно было спорить не по памяти.

Перед уходом Варя заглянула в лабораторный журнал. Агата подписала две страницы. На третьей сделала короткую помету: «Выделить область поздней записи у локтя. До решения комиссии не затрагивать».

Варя перечитала её дважды.

Сама она ни в одном официальном документе слова «локоть» не употребляла.

Глава 4. Синяя папка

В четверг утром Лидия Мирская не пустила Варю в архив.

На двери висел лист: «Выдача документов временно приостановлена». Под ним кто-то приписал карандашом: «Кроме живых людей». Варя решила, что приписку сделала сама Лидия, но в этом не было уверенности. У архивистки было много поклонников среди студентов, которых она однажды спасла от поисков документов в подвале без отопления.

— Вы сами велели прийти, — сказала Варя через дверь.

— Я велела после занятий. А сейчас у меня пожар.

Изнутри донёсся шум выдвигаемого металлического ящика. Потом Лидия открыла дверь ровно настолько, чтобы высунуть голову. Очки были другие, зелёные, с целыми дужками.

— Не настоящий пожар. Иди ешь, я сама тебя найду.

— Вы обещали фотографию.

— Обещала. В обещании не было слова «завтрак».

Дверь закрылась. Варя постояла, собираясь обидеться, и пошла на занятие по истории материалов. Преподаватель рассказывал о грунтах и составе старых клеёв. На первой скамье двое студентов переписывали друг другу конспект, стараясь делать это незаметно. Варя вслушивалась, но мысли возвращались к странной фразе Агаты о локте. Если преподавательница прежде видела нижнюю фигуру, почему говорила о ней так, словно Варя выдумала человека на месте шкафа?

После лекции Варя купила в автомате булку и пожалела о покупке, едва попробовав. Слоёное тесто было мокрым внутри, а начинка походила на картофельное пюре, которому обещали грибы, но забыли их принести. Она доела всё до крошки. Когда денег мало, даже плохая булка должна выполнять свои обязанности.

В час Лидия позвонила сама.

— Сейчас. И возьми блокнот. Телефон не нужен.

Архив размещался в Соляном корпусе, на пол-этажа ниже большой реставрационной мастерской. По дороге Варя встретила двух преподавателей с коробками из-под фотобумаги. Один потребовал открыть ему запасную дверь, хотя у неё не было ключа. Другой извинился за него, и оба продолжили спор о бюджете, не дождавшись ответа. Здесь умели говорить о бумаге с тем жаром, который в других местах приберегали для футбола.

Лидия ждала у стола с разложенными папками. Перед ней стоял термос, старый оранжевый, с металлической чашкой вместо крышки. На стене висел календарь; октябрь был открыт, но несколько чисел закрывали маленькие жёлтые записки.

— Садись. Руки чистые?

— После булки мыла.

— Я спросила, вымыты ли руки. Остальное оставим врачам, Лунёва.

Лидия подвинула прозрачный конверт с ксерокопией эскиза. На листе карандашными линиями были намечены семь человеческих фигур. Варя увидела сидящих, стоящего в центре юношу, пустое пространство, которое на завершённой картине занимал шкаф. Там, где сейчас поблёскивали нарисованные зелёные переплёты, на эскизе стояла девушка с короткими волосами. В руках у неё был тёмный прямоугольный предмет.

— Есения? — спросила Варя.

— На старой карточке написано именно это. Сама бы я по такому рисунку ни о ком не поклялась.

— А что у неё в руках?

— Попробуй описать, не угадывая.

Варя изучила копию. Прямоугольник был обведён одним уверенным штрихом, на верхнем углу художник поставил мелкие цифры. Она наклонилась ближе.

— Папка. Или закрытый альбом. На уголке наклейка, похоже, «417».

— Вот теперь можешь вписать номер в журнал наблюдений. Не слова «тайный шифр», пожалуйста. Я слышала их сегодня уже дважды от студентов искусствоведения.

— Что он обозначает?

— Пока не могу сказать. Старые описи сложнее, чем хотелось бы. Ты попросила объяснить происхождение изображения; я показала доступную копию. Для остальных материалов нужно разрешение руководства.

Варя подняла глаза. Между ними стояла оранжевая чашка с недопитым чаем. Лидия обхватила её ладонью, хотя та давно остыла.

— Вы знали Есению?

— Немного.

— Вы тогда учились здесь?

— На первом курсе архивного дела. У нас были общие занятия по рисунку. Есения всегда приносила на них слишком много вещей. Ей говорили: у людей по две руки, не старайся держать сразу шесть инструментов. Она отвечала: «А вы выдайте нормальные шкафы, я и перестану». Однажды села на стол преподавателя, потому что ей не хватило стула. Её тогда выгнали на неделю.

Лидия улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

— В акте написано «дисциплинированная, склонная к учёбе». Она была вовсе не склонная к дисциплине. Очень шумная. Зато умела заставить человека слушать.

— А что случилось в октябре?

Лидия поставила чашку. За стеной заработал подъёмник, через несколько секунд двигатель остановился с таким скрежетом, что обе помолчали.

— Я тогда подумала, что её выгнали. Она несколько дней ходила сердитая и всем доказывала, что у неё документы. Мы привыкли, что Есения спорит из-за всего. Потом сказали — нашли у реки. После похорон я сдала экзамены и уехала к матери. Сейчас, конечно, это звучит отвратительно буднично.

— Вы могли что-то сделать?

— Не знаю, Варя. Тогда я не знала даже, что спрашивать. Но один вопрос я могла задать: что за документы она всем показывала. Я его не задала.

Она взяла со стола синюю папку, толстую, с потёртыми углами. Варя заметила, что внутри лежат несколько отдельных конвертов и лист, на котором от руки были отмечены даты. Лидия не раскрыла папку перед ней. Положила поверх другой стопки.

— Ты пришла из-за картины. И правильно. Только не делай из Есении идеальную девочку, которую кто-то нарисовал специально для твоего расследования. Она была сложным человеком. Это тоже важно оставить.

Варя не нашла подходящего ответа. Лидия тем временем проверила старый регистрационный штамп на эскизе и переписала его в свою тетрадь.

— Можно сфотографировать? — спросила Варя.

— Сейчас нет. Я сделаю разрешённую копию через отдел. В твоём телефоне нет ни номера хранения, ни условий съёмки, а если начнёшь рассылать снимки, потом никто не скажет, откуда они взялись.

Варя вспомнила отправленный Тасе фрагмент и почувствовала неприятное тепло в ушах.

— Я никому не рассылаю.

— Хорошо. Старайся и дальше.

Лидия закрыла конверт. На столе лежал чистый лист заявки на выдачу документа. Варя заполнила его, указала номер полотна и тему работы. Не написала ничего о возможном преступлении: такое основание она сама пока не сумела бы объяснить.

Когда Лидия вышла за очередной папкой, Варя заметила в открытом органайзере почтовую квитанцию. Поле адресата уже было заполнено: юридическая служба муниципального музейного собрания. Архивистка вернулась, увидела её взгляд и молча перевернула квитанцию лицевой стороной вниз.

— Вы кому-то отправляете материалы? — спросила Варя.

— Да. Я часто отправляю материалы. Архив в этом смысле очень подвижная профессия.

— Это связано с Есенией?

— Связано с тем, что государственные вещи должны иметь понятные документы. Дальше я говорить не могу, пока сама не сверю каждую дату.

Она не выглядела испуганной. Скорее усталой и сердитой на саму себя за то, что пришлось тратить столько времени на чужие исправления.

В коридоре послышались шаги. Кто-то постучал условным ритмом — два быстрых удара, один медленный. Лидия коротко выругалась, затем открыла дверь.

На пороге стоял Мирон Захаров. В руках он держал запечатанный прозрачный файл.

— Вы получили мой запрос? — спросил он.

— Получила. Сюда не проходи. Ты мне вчера весь вечер прождать заставил.

— Я не обещал вчера.

— Обещал прислать список. Список — не дверь, его можно отправить без человека.

Мирон посмотрел через плечо архивистки на Варю. От этого взгляда стало ясно, что он не ожидал застать её здесь.

— Я на минуту, — сказал он. — Мне нужен второй экземпляр распоряжения о перевозке.

Лидия прижала прозрачный файл двумя пальцами, не забирая.

— Не дам через чужое присутствие. Оформи запрос на имя собственного учреждения.

— Он уже оформлен.

— Тогда получишь ответ. Сегодня или завтра. Я не вынимаю бумаги из дел ради того, что тебя кто-то однажды обидел.

Мирон отвёл глаза. Варя услышала его короткий вдох. Он хотел сказать что-то резкое, но удержался.

— Тут и без меня хватает причин, — произнёс он.

— Вот и хорошо. Значит, ты понимаешь, почему я не стану нарушать порядок.

Он оставил файл на узком подоконнике коридора и ушёл. Лидия закрыла дверь, медленно вернулась к столу и вдруг так громко чихнула, что Варя подпрыгнула. Архивистка засмеялась над этим сама, но через минуту уже снова читала документы.

— А вы с Мироном давно знакомы? — спросила Варя.

— Ему лет двенадцать было, когда он впервые пришёл сюда за бумажкой об отце. Его отправили домой. Потом он вырос и научился писать обращения, от которых люди устают больше. Это полезный талант, если не злоупотреблять.

— Он думает, отец был невиновен?

— Его отец в чём-то был виноват наверняка. Как и все взрослые люди. Вопрос — в чём именно и почему остальные так радуются, когда получают удобное имя.

Лидия закрыла последнюю папку.

— На сегодня достаточно. Я сделаю копию эскиза. Справку по номеру 417 пока не обещаю.

Варя поднялась, убрала блокнот в сумку. Лидия уже показывала на дверь — без раздражения, просто напоминая, что рабочий день закончился и архив закроют через десять минут.

Вечером Варя заметила Лидию в почтовом отделении у остановки. Архивистка стояла у окошка с синей папкой под мышкой и вручала сотруднице толстый конверт. Снаружи моросило; люди прятали руки в карманы. Лидия не заметила Варю.

Когда сотрудница вернула квитанцию, Лидия убрала её в синюю папку и вышла к остановке. Варя осталась у окна. В мастерской ещё ждал отчёт, который нужно было закончить до закрытия.

Глава 5. Короткая лестница

В пятницу Лидия Мирская пришла в академию с незашнурованным ботинком и с пирожком в руке. Варя увидела её из окна лаборатории: архивистка пересекла двор, остановилась возле колодца, чтобы поправить шнурок, но пирожок мешал. Она передала его стоявшему рядом дворнику. Тот машинально откусил кусок.

Лидия выпрямилась и посмотрела на него так, что Варя расслышала из-за стекла даже беззвучный вопрос: «Вы совсем?» Дворник пытался оправдываться. Лидия махнула рукой и пошла дальше, оставив ему завтрак.

Через десять минут архивистка показалась в лаборатории.

— Вы сегодня без обеда? — спросила Варя.

— Почему? Я выгуляла пирожок. Теперь он где-то в хорошем месте.

— Я могу вам купить другой.

— Лучше распечатай схему расположения фотографий. С вашей системой у меня отношения хуже, чем с этим ботинком.

Варя открыла нужную папку. Лидия ждала возле стола, сдвигая с пальца старое серебряное кольцо. На правой руке у неё была крошечная ранка, заклеенная пластырем с изображением зайца.

— У вас всё получилось вчера? — спросила Варя.

Лидия не сразу поняла, о чём речь.

— С письмом.

— Его приняли. Этого пока достаточно.

— А если ответят отказом?

— Бывает. Почта тогда всё равно считает, что работу выполнила. Удивительная профессия.

Она забрала распечатку, отметила карандашом два номера кадров и вернула Варе. Никаких новых сведений о 417 там не оказалось.

— Вы же обещали справку, — напомнила Варя.

— Я обещала попробовать её сделать. Не путай с обещанием найти тебе убийцу среди живописцев.

— Я не ищу убийцу.

— Прекрасно. Тогда хотя бы одна из нас занимается своей работой.

Варя могла обидеться, но Лидия в это время пыталась надеть на порезанный палец перчатку, которую взяла с лабораторного стола. Перчатка не подходила по размеру. Варя нашла другую, и архивистка благодарно подставила руку.

— Вечером придёте? — спросила Варя.

— Придётся. У нас предварительный смотр для попечителей. Считают, если показать им пустые коробки из-под архивных дел, они пожертвуют денег на полные.

День открытых дверей готовили к двадцать четвёртому октября. Сегодняшний вечер был предварительным просмотром для попечительского совета: выпускники и представители муниципального музея должны были оценить работы, которые академия собиралась показать публике через две недели. Студентов пустили помощниками — расставлять стулья, сопровождать гостей и объяснять, почему картины нельзя трогать руками. Этой последней работой Варя могла заниматься бесплатно хоть до пенсии.

До шести ей предстояло закончить описание рамы. Обследование портрета без отдельного допуска оставалось чисто визуальным; даже для перестановки осветителя требовалась подпись в рабочем журнале. Агата проверила её черновик и вернула на доработку с четырьмя короткими пометками. Ни одна не касалась скрытой фигуры.

— Вы сегодня будете на просмотре? — спросила Варя.

— Да.

— Лидия тоже.

— Я видела список участников.

Агата собрала со стола использованные салфетки. В мастерской утилизировали их отдельно от бытового мусора, и преподавательница никогда не позволяла студентам просто смахнуть грязные обрезки в ведро.

— Скажите, вы работали здесь, когда делали портрет? — решилась Варя.

— В академии работала.

— И знали Есению?

— Знала. — Агата потянулась за второй коробкой. — Она не была моей ученицей.

— Лидия говорит, её не пускали в архив из-за каких-то документов.

— Я не могу отвечать за слова Лидии.

— А вы за свои можете?

Агата поставила коробку. Разговаривать она умела так, что Варе хотелось заранее исправить собственную интонацию.

— Могу. И отвечу: в девятом году я не руководила работой над этим полотном. Документов о поздней записи сейчас передо мной нет. Когда появятся, поговорим предметно. На этом всё.

Варя ушла, оставив Агату одну возле стола. Слова прозвучали корректно, и всё же в них было заметное пустое место: про Есению как человека преподавательница так ничего и не сказала.

⁂

Вечером в Верхнем корпусе открыли обычно запертую буфетную комнату. Там стояли фарфоровые чашки, которых не выдавали студентам, и маленькие бутерброды с рыбой, нарезанной до прозрачности. Тася сразу объявила, что репортаж о благотворительном ужине следует начинать не с картин, а с стоимости каждого бутерброда.

— Если написать «пожертвовали на сохранение культуры», все заснут. А если «за триста тысяч купили новые окна, но в общежитии по-прежнему течёт крыша», получится журналистика.

— Крыша течёт только в твоей комнате, — сказала Варя.

— Именно поэтому я хороший источник.

У Таси была аккредитация студенческого журнала и бейдж на яркой ленте. Варе выдали обычную белую карточку «помощник экспозиции». Она стояла в коридоре у трёх учебных этюдов и следила, чтобы гости не прислоняли к ним мокрые зонты.

— Ты обещала не публиковать мой снимок, — сказала Варя, когда Тася остановилась рядом.

— Я ничего не публиковала.

— Тогда почему в редакционном плане стоит «призрак седьмой выпускницы»?

Тася скосила глаза на собственный телефон.

— Это рабочее название. Мы даже не знаем, будет ли статья.

— Ты знаешь, что я не имею права показывать исходник без разрешения.

— У меня обрезанный кадр. Ни инвентарного номера, ни общего вида, ни фамилии владельца. Чего ты боишься?

— Что кто-то прочтёт рабочее название и решит, будто ты уже всё доказала.

— А ты сама решила, что там человек, когда ещё видела только трещину.

Тася сказала это без злости. Оттого Варя рассердилась сильнее. В коридоре появились гости, и спор пришлось оборвать. Варя выпрямилась, подошла к портрету местного промышленника и сказала пожилой женщине, которая хотела потрогать его золочёную раму, что пред-

мет пока не закреплён надёжно. Женщина ответила, что знакома с реставрацией сорок лет, а в прошлом году ей доверили выбирать краску для школьного спортзала. Варя не нашла, как связать эти два достижения.

В половине девятого в малом зале начались короткие выступления. Ректорка Ольга Синельникова говорила о новой программе, о фондах, об ответственности тех, кто получает предметы на хранение. Варя стояла у боковой двери. За спиной у неё два молодых выпускника спорили, стоит ли покупать современные масляные краски в тюбиках или изготовлять их самостоятельно.

— У вас есть пять минут, — шепнула появившаяся Лидия.

— На что?

— На то, чтобы принести мне воды. Я сейчас буду изображать человека, который умеет организовывать фонд.

Она держала синюю папку. У верхнего края из неё выступал угол белого конверта, и Варя узнала стёршуюся полоску на корешке. На папке висела наклейка с номером текущего архива — обычный служебный номер, не 417.

— Вы в порядке? — спросила Варя.

— Вся жизнь в архиве — это выбор между «в порядке» и «никто не заметил». Давай воду, пожалуйста.

Варя принесла стакан. Лидия сделала глоток и поморщилась: вода оказалась ледяной.

— Агата Сергеевна там, — сказала Варя, указав на зал. — Хотели с ней поговорить?

— Хотела. Она занята сейчас?

Агата стояла у дальней стены с ректоркой и двумя гостями. В руке у неё было три тонких каталога; на одной обложке оторвался угол, и она придерживала его ладонью.

— Сказала, что поговорит после доклада, — ответила Варя.

Лидия некоторое время смотрела на преподавательницу.

— Тогда я тоже после доклада. Не надо никого отвлекать. Мне не горит.

Слова прозвучали странно. Всю неделю архивистка торопилась больше остальных.

Из открытой двери полился свет: на экране показали фотографию нового хранилища. Лидия подтянула рукав и вошла в зал. Синяя папка мешала ей держать стакан; Варя предложила забрать её на время, но получила отказ.

— Спасибо. Это моё, — сказала Лидия. — Я за него отвечаю.

Она ушла между рядами, слегка раскачивая стакан. Варя видела, как архивистка нашла пустой стул не в первом ряду, куда её пытались посадить, а сбоку, возле прохода. Ей нужна была возможность встать, когда захочется.

⁂

В девять без четверти Тася поймала Варю у служебного выхода.

— Синельникова разрешила нам написать о первой стадии диагностики, — сообщила она. — Без фото предмета. С одним абзацем об истории академии. От тебя нужны две строки.

— О том, что согласия на фото ты не получила?

— Не начинай. Я сделаю отдельно. Сейчас нужен комментарий реставратора.

— «Установлены поздние изменения красочного слоя. Состав и время вмешательства требуют исследования». Вот и всё.

— Это похоже на отказ свидетеля от показаний.

— Зато верно.

Тася набрала слова в телефон и сразу поморщилась.

— Там даже глагола живого нет. Нельзя «кто-то изменил картину»?

— Можно. Но тогда спроси, откуда я знаю, кто этот кто-то.

— Ладно, оставлю скучно. Только ты потом не говори, что я не пыталась.

Из зала вышли гости. Кто-то позвал Агату, и преподавательница остановилась под лампой, чтобы её сфотографировали с почётным попечителем. Варя увидела вспышку и зажмурилась. Рядом Мирон, с камерой и запасным аккумулятором в руке, проверял экран. Агата поправила воротник перед следующим кадром.

— Всё? — спросила она у фотографа.

— Пока да. Позже будет общий снимок, — ответил Мирон.

— Мне нужно на несколько минут уйти к фондам. Не ищите меня, если начнут спрашивать про папки.

Ректорка в этот момент уже повернулась к другому гостю и, возможно, ничего не услышала. Варя услышала, но не придала значения. Преподаватели постоянно выходили к фондам за документами, которых никто из гостей не читал.

Мирон прижимал фотоаппарат к боку под курткой, как берегут от дождя животное, которое в любой момент может вырваться. Варя хотела подойти спросить о вчерашнем разговоре с Лидией, но он прошёл мимо неё, не заметив. На ремне звякнул металлический зажим, когда он повернул к выходу.

Варя вернулась в зал за своим блокнотом. У дверей стояла навигационная стойка. Её переставили на полшага от стены, чтобы гости не задевали пальто за латунную стрелку «Фонды». Уборщица ругалась на стойку так, словно та уже неделю нарочно выбирала самые неудобные места.

В половине десятого Тасе понадобился сопровождающий для последнего гостя. Варя отвела его к стеклянному переходу и показала табличку «Выход». По пути пальто гостя зацепилось за латунную стрелку «Фонды»; Варя придержала стойку, пока он освобождал рукав. Потом забрала куртку из гардероба. Телефон разрядился; у дверей она успела отправить матери короткое сообщение с чужого зарядного устройства: «Поздно. Доеду сама».

Снаружи моросил дождь. На остановке толпились студенты, но автобус обещали только через двадцать минут. Варя решила пройти до общежития дворами. На улице возле погрузочного въезда светил единственный фонарь, и вода собиралась под ним в длинное блестящее зеркало. Из Соляного корпуса доносился шум электродвигателя: кто-то возил ящики, хотя приёмка закончилась днём.

Возле западной стены раздался короткий глухой удар. Не звон металла и не треск стекла — плотный стук, который быстро проглотил двор. Варя обернулась.

За дверью доставки стояла складская тележка. Она видела, как её рукоять качнулась от ветра. Внутри кто-то закашлялся, потом хлопнула створка. Грузчики работали здесь и по вечерам; они могли опрокинуть ящик или споткнуться о порог.

Варя постояла, ожидая ещё одного звука. Ничего не последовало. Она застегнула капюшон и пошла дальше.

На углу улицы пропал свет. Не во всём квартале, а в одном фонаре, под которым обычно проверяли, не испачкана ли обувь краской. Варя включила экран разряженного телефона; хватило на три секунды. Потом шла ощупью, придерживаясь рукой за холодную стену общежития.

В комнате горела настольная лампа Таси. Соседка сидела на полу с ноутбуком и собирала текст статьи.

— Ты мокрая, — сказала она, не поднимая глаз.

— На улице дождь.

— Я думала, он действует выборочно. У некоторых гостей причёски остались прекрасными.

Варя бросила куртку на спинку стула. Хотела ещё раз запретить публиковать снимок, но осеклась: для сегодняшнего вечера у неё кончились подходящие слова.

— Лидия Мирская тебе что-нибудь рассказывала? — вдруг спросила Тася.

— О чём?

— О старом портрете. Она сказала одному журналисту, что архивная история картины ещё не закончена. Я записала, но не уверена, можно ли цитировать.

— Позвони ей и спроси разрешение.

— Сейчас поздно.

— Тогда завтра.

Тася поставила ноутбук на стол. Варя достала из холодильника банку супа, которую прислала мать, и ела прямо из неё, не разогревая. Ложка стучала о стекло. Только в комнате этот звук показался ей похожим на тот, что она слышала во дворе.

Она перестала есть, прислушалась к тихому гудению холодильника и решила, что устала. На следующий день объяснение нужно будет искать совсем в другом месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.